

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ

УДК 7.01

DOI: 10.5840/dspl20203211

СИМБИОЗ ЗНАКОВ И СОБЫТИЙ (ДИСКУРС-ПРИМЕР КОНВЕРГЕНЦИИ)

Розин Вадим Маркович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, Гончарная ул., д.12, стр.1; e-mail: rozinvm@gmail.com

В статье предлагается решение важной проблемы гуманитарной науки и семиотики (при этом автор отталкивается от интересного доклада Александры Володиной, прочитанной в Институте философии РАН). Дело в том, что традиционная семиотика хорошо объясняет только относительно небольшой класс знаков, например, естественного языка, транспортные, коммуникационные и др. Попытки подвести под классическое понятие знака (Ф. Соссюр, Л. Ельмслев, У. Эко) произведения искусств, иконы, символы, схемы, проекты не приносят успеха. Автор предлагает гипотезу о связи (симбиозе) знаков и событий психической реальности, позволяющую, на его взгляд, решать эту проблему. Он старается показать, что если первый класс знаков, удовлетворительно описываемых в традиционной семиотике, обслуживает, прежде всего, процессы коммуникации, то второй (произведения искусств, иконы, схемы, проекты и т.п.) поддерживает сразу два процесса – коммуникации и про-живание событий определенной реальности индивида. Для разъяснения и доказательства этой гипотезы в статье анализируются три кейса (понимание затмения аборигенными народами, переживание детьми сказок и открытие ими изображений). При этом используются понятия схемы, психической реальности, события, знака. Связь знаков и событий истолковывается автором также в ключе биологической аналогии с симбиозом двух организмов (знаки обеспечивают события реальности, а события образуют почву для означения), причем, ссылаясь на свои исследования, он утверждает, что подобный же симбиоз характерен для многих процессов (например, процесса реализации личности и процесса сновидений, а также процессов общения, игры, некоторых форм рефлексии).

Ключевые слова: знак, событие, реальность, коммуникация, процесс, произведение, искусство, симбиоз, реализация, изживание

Цитирование: Розин В.М. Симбиоз знаков и событий (дискурс-пример конвергенции) // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2020. Т. 3. №2. С. 6-16. DOI: 10.5840/dspl20203211.

SYMBIOSIS OF SIGNS AND EVENTS: ILLUSTRATED BY THE CONVERGENCE OF SEMIOTICS AND HUMANITIES

Vadim M. Rozin – DSc in Philosophy, professor, senior research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: rozinvm@gmail.com

The article suggests a solution to the important problem of humanities and semiotics (the author proceeds from an interesting report made by Alexandra Volodina at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences). The fact is that traditional semiotics explains well only a relatively small class of signs, for example, natural language, transport, communication, etc. Attempts to bring works of art, icons, schemes, and projects under the classical concept of a sign (F. de Saussure, L. Hjelmlev, U. Eco) do not appear effective. The author suggests a hypothesis about the connection (symbiosis) of signs and events of psychic reality, allowing, in his opinion, to solve this problem. He attempts to demonstrate that while the first class of signs satisfactorily described in traditional semiotics serves primarily the processes of communication, the second class (works of art, icons, schemes, projects, etc.) supports two processes simultaneously – communication and going through the experiences of some individual reality. To clarify and prove this hypothesis, the article analyzes three cases (understanding eclipse by indigenous peoples; children experiencing fairy tales and discovering images). In these cases, the concepts of diagram, mental reality, event, and sign are used. The author also interprets the relationship between signs and events through a biological analogy with the symbiosis of two organisms (signs provide reality events, and events form the basis for meaning). At this, referring to his previous research, he claims that a similar symbiosis is characteristic of many processes (for example, the process of realization of personality and the process of dreams, as well as the processes of communication, game and some forms of reflection).

Keywords: sign, event, reality, communication, process, work, art, symbiosis, realization, obsolescence

Might be cited as: Rozin, Vadim. 2020. Symbiosis of signs and events: Illustrated by the convergence of semiotics and humanities, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 3 (2): 6-16. DOI: 10.5840/dspl20203211 (In Russian)

Недавно в Институте философии РАН молодой философ Александра Володина прочла очень интересный доклад «Материя ощущения: знак-организм, знак-движение, знак-аффект» [Володина, 2020, web]. В нем она представила семиотические представления

Ж. Делеза, Ч. Пирса, Ж. Симондона, А. Уайтхеда, Дж. Хоффмайера, подчеркнув, что эти взгляды на семиотику совершенно нетрадиционные [Deleuze, 1964; Peirce, 1998; Simondon, 2013; Hoffmeyer, 1996]. И действительно, перечисленные исследователи разрывают с декартовско-кантианской оппозицией «субъект-объект». Вместо статичных, сложившихся в познании отношений они анализируют «становление». Расширяют понимание знака, трактуя его как «схватывание» (идушее, как показывает С.С. Неретина, от средневекового «концепирования» [Неретина, 1995, 1999]), как «аффекты», не исключая чувственных впечатлений как переживание событий. Наконец, заменяют структурные характеристики знака анализом процессов, в рамках которых все составляющие, в том числе и сам человек, только формируются (становятся), взаимно обуславливая друг друга. Слушая Володину, я решил, что лекция очень эвристична, но, тем не менее, у меня как методолога и семиотика, возникла мысль, что те же самые проблемы вполне можно было решить, соединив традиционное учение о знаке и «учение о реальности», предложенное вашим покорным слугой. О каких конкретно проблемах идет речь?

Традиционное, вплоть до Ф. Соссюра, понимание знака предполагает два важных момента: истолкование функции знака в целях коммуникации и обязательное противопоставление и связь двух планов – «денотата» (содержания знака) и «знаковой формы» или просто знака. В работах св. Августина, которого ретроспективно, уже зная, что такое семиотика, можно считать предтечей этой дисциплины, нетрудно увидеть оба эти момента. «Приступая теперь к исследованию о знаках, – пишет Августин, – я говорю наоборот: пусть никто в них не обращает внимание на то, что есть, а только на то, что они суть знаки, т.е. что они означают. Ибо знак есть вещь, которая воздействует на чувства, помимо вида (species), заставляя приходить на ум нечто иное... И у нас только одна причина для обозначения, т.е. для придания знака – вынуть и перенести в душу другого то, что производит в душе то, что создает знак» [Августин, 2001, с. 66–67]. Здесь «нечто иное» выглядит как денотат, а «вынуть и перенести в душу другого» как указание на коммуникацию. Дальше мы видим, что при формировании семиотики и ее развитии эти два момента четко осознаются и оформляются понятийно [Эко, 1998, с. 127].

Пирс различает «знаки-иконы», «знаки-индексы» (!), «знаки-символы». «Отображение (Darstellung), по Пирсу, есть либо похожесть, указатель, либо символ» [Канке, 1997, с. 14]. Центральный вопрос семиологии, пишет У. Эко, «заключается в том, чтобы уразуметь, как получается так, что не имеющий ни одного общего материального элемента с вещами графический и фотографический знак может быть сходным с вещами, оказаться похожим на вещи» [Эко, 1998, с. 127]. «Не будем забывать о том, – писал Ч. Моррис, – что иконический знак только в некоторых своих аспектах подобен тому, что он означает. И стало быть, иконичность – вопрос степе-

ни» (цит. по [Эко, 1998, с. 124, 125]). «С одной стороны, – размышляет В. Канке, – икона вроде бы существует сама по себе и не соотносится со своим референтом. С другой стороны, она похожа на него, следовательно, между ними есть соответствие. Но если икона существует сама по себе, она не является знаком... Опять же очевидно, что если выявлена похожесть двух объектов, то здесь не обошлось без интерпретации и, следовательно, символизации. Наконец, во многих случаях иконы являются результатами наличия связи между объектами... понятие о знаках-иконах не выдерживает критического рассмотрения. Иконы не являются самостоятельным (наряду с индексами и символами) классом знаков. То, что обычно называется иконой, в одном случае, фактически, является индексом, в другом случае символом» [Канке, 1997, с. 15].

Сходные проблемы встают и в ходе попыток понять семиотическую природу «схем». «Схемы, – пишет методолог С.В. Попов, – ничего не обозначают кроме самих себя, поэтому для них создается особая графика, которая не является чисто семиотическим образованием... Каждая схема представляет собой самостоятельное образование (монаду), которое совсем не обязательно должно быть связано с другими схемами или включено в какие-то другие контексты. Схема сама создает контексты... Схема берется в «проживании» и реализации вместе с ее носителем. Описание схем возможно только в музейной функции – “так было”. Реальная передача схем происходит при “вхождении” в схему, движении в ней, принятии на себя функции “носителя” и последующего выхода с рефлексивным выделением схемы (“надетой на себя”)) [Попов, 2002, с. 54–55].

Еще одна проблема: в рамках традиционной семиотики трудно различить знак и символ. С одной стороны, вроде бы символ – это один из видов знака, но с другой – редуцировать символы к знакам очень трудно. Например, символ креста имеет столь широкую область смыслового содержания, что сведение его к простому знаку явно будет операцией, элиминирующей и обедняющей значительную часть этого содержания.

Итак, если, например, отдельные слова естественного языка или транспортные знаки хорошо описываются понятиями традиционной семиотики, то схемы, произведения искусств, большинство понятий науки и философии, эскизы и проекты (и на этом перечисление не заканчивается) традиционной семиотике не по зубам. Но не будем спешить, рассмотрим сначала два кейса. Первый – понимание аборигенами затмения, второй – сказку К. Чуковского «Краденное солнце».

Первый кейс. «На языке тупи, – пишет Э. Тейлор, – солнечное затмение выражается словами: “ягуар съел солнце”. Полный смысл этой фразы до сих пор обнаруживается некоторыми племенами тем, что они стреляют горящими стрелами, чтобы отогнать свирепого зверя от его добычи. На северном материке некоторые дикари верили также в огромную пожирающую солнце собаку, а другие

пускали стрелы в небо для защиты своих светил от воображаемых врагов, нападавших на них. Но рядом с этими преобладающими понятиями существуют еще и другие. Караибы, например, представляли себе затмившуюся луну голодной, больной или умирающей... Гуроны считали луну больной и совершали свое обычное шаривари со стрельбой и воем собак для ее исцеления» [Тейлор, 1939, с. 228].

С точки зрения авторского учения о схемах, выражения типа «ягуар съел солнце» представляет собой типичную схему (см. рис. 1). Она была кем-то изобретена (то есть это семиотический артефакт), позволила разрешить «проблемную ситуацию» (страх перед исчезновением светил), способствовала пониманию того, что происходит (солнце исчезает в пасти гигантского ягуара), создала возможность по-новому действовать (прогонять ягуара) [Розин, 2011, с. 57–69].

Проблемная ситуация → СХЕМА → новая реальность → понимание видение → новое действие

Рис. 1.

Стоит отметить, что войти в схему и пережить ее события (поедание ягуаром солнца и его спасение) можно только с помощью языка, а с семиотической точки зрения актуализации знаков «ягуар», «солнце», «ест». События этой схемы образуют для аборигенов особую *реальность*, связанную с охотой на животных, защитой от хищников или врагов. Проживая события этой реальности, человек одновременно движется в языке. Двигаясь с помощью знаков в языке, он одновременно проживает события указанной реальности.

Второй кейс. Вспомним известный с детства сюжет сказки Чуковского «Краденное солнце». Нехороший крокодил напал на солнце и похитил его:

Горе! Горе! Крокодил
Солнце в небе проглотил!..

Зайчиха уговаривает медведя спасти солнце:

Ты поди-ка косолапый
Крокодила исцарапай,
Разорви его на части,
Вырви солнышко из пасти...
Что в конце концов медведь и делает:

Уж он и мял его
И ломал его
«Подавай сюда
Наше солнышко!»

Испугался Крокодил
Завопил, заголосил,
А из пасти из зубастой
Солнце вывалилось,
В небо выкатилось...

Здесь опять схема, кстати, очень похожая на аборигенную (не из культурологии ли ее позаимствовал наш поэт?). Но реальность и события иные: дети переживают не катастрофу (затмение, от которого зависит их жизнь), а завлекательную сказку, и прогоняют Крокодила не они, а симпатичный медведь. Соответственно, и знаки языка другие. Но опять же, двигаясь в языке, дети одновременно проживают события сказочной реальности (понятно, что условность сказки не похожа на условность космической катастрофы): проживая события сказки, они двигаются в знаках языка.

Напрашивается такая гипотеза: необходимое условие проживания событий психической реальности – актуализация в жизнедеятельности индивида знаков языка; соответствующие денотаты этих знаков в психической реальности *по субстрату, но не содержанию* совпадают с субстратом событий данной реальности (см. рис. 2).

Рис. 2.

В данном случае вполне можно говорить о симбиозе семиозиса и реальности. Знаки обеспечивают проживание событий реальности, а реальность создает почву для семиозиса. Как я показываю, о симбиозе можно говорить и в случае одновременного протекания и взаимного обеспечения процесса *реализации проблем личности* и процесса *сновидений* (а также определенных форм общения, игровой деятельности, рефлексии (см. [Розин, 2001, с. 105–107]).

Может возникнуть естественный вопрос, при каких условиях возникают подобные симбиозы? Например, семиотический подход складывается в Средние века, когда возникла проблема осмысления творчества человека в отношении творений Творца, то есть проблема формирования единого смыслового основания для деятельности человека (в христианстве). Напротив, представление о разных реальностях сложилось в культуре Нового времени, когда на первый план выдвинулась личность, действующая и переживающая по-разному в разных условиях. Но реальная социальная и индивидуальная жизнь требует обоих подходов: в одних ситуа-

циях и случаях мы следуем социальным нормам, в других прислушиваемся к себе, удовлетворяя внутренним условиям, в третьих приходится подчиняться и тому и другому. В этом последнем случае, вероятно, формируются условия для симбиоза.

Поставим теперь такой вопрос: можно ли спрашивать о значении аборигенной или сказочной схемы, что, мол, они означают? Как реальность – это не знаки, и задавать такой вопрос, конечно, смысла не имеет. Соответственно, не имеет смысла спрашивать о значении событий, они тоже не знаки. Если же сводить схемы к знакам, что по недоразумению делают семиотики, то единственный ответ будет таков – «схема ничего не обозначает, кроме самой себя». Неправильно, на мой взгляд, и сводить знаки к событиям, что нередко делают «новые семиотики», о взглядах которых рассказывала Володина. В этом случае получается, что знаки мало чем отличаются, с одной стороны, от ощущений, и с другой – от символов, и это объясняет, почему новые семиотики подверстывают символы к знакам. Реализация реальностей, как я показываю в учении о психических реальностях, представляет собой не процесс коммуникации, что характерно для семиотического плана, а проживание событий, подчиняющихся определенной логике и условности, которые различны для разных реальностей (искусства, сновидения, игры, познания и других [Розин, 2001, с. 71–113, 158–181]). Другое дело, что без сигнификации и коммуникации проживание событий невозможно.

Но есть еще один важный для нашей темы процесс – *становление* схем, произведений искусств, символов, проектов и т.д. Прежде чем его обсуждать, рассмотрим третий кейс – один из вариантов открытия ребенком изображений. Наблюдения показывают, что первоначально маленькие дети не видят изображений: например, вместо нарисованного солнца они видят просто красное пятно. И понятно почему: солнце высоко в небе, ослепительное и горячее, а взрослый показывает вниз на бумагу, где видно просто красное, круглое пятно, и почему-то говорит «смотри, какое солнышко».

Эта ситуация явно проблемная и непростая для ребенка. Он привык доверять взрослому, поскольку составляет с ним одно целое (Л.С. Выготский, чтобы подчеркнуть это обстоятельство, даже предложил такое понятие – «прамы», то есть ребенок и родители – одно целое). Взрослый, указывая на пятно, почему-то говорит, что это солнышко. Но ведь его там нет. Однако если взрослый говорит, оно там должно быть.

Помочь ребенку увидеть нарисованное солнце может, например, такая схема: вечером на закате солнца взрослый говорит: «смотри, как красиво, солнышко красное, круглое, как на бумаге». И тут ребенок, вспоминая рисунок солнца и сравнивая его с видом солнца на закате, понимает, что они похожи (по Пирсу это знаки-иконы) и что он может, наконец, принять слова взрослого. В его сознании происходит удивительная трансмутация – представление о реальном солнце начинает теперь жить и реализоваться на «ри-

суночном солнышке». Конечно, рисуночное солнышко – всего лишь графическое построение, однако для психики, взятой в своеобразный плен прамы и детерминированной схемой заката солнца, нет другого выхода, как перестроиться, самоорганизоваться, сконструировать еще один предмет – «солнце на бумаге» [Розин, 2001, с. 109–113].

Не сразу ребенок уясняет, что рисуночное солнышко отличается от настоящего: оно не греет, не плывет по небу, не всходит по утрам и не заходит вечером, но зато его можно нарисовать самому, с ним можно играть, его можно «заставить» греть нарисованную травку, освещать нарисованную землю и дома и прочее. Другими словами, ребенок постепенно создает и осваивает новую реальность – искусства и игры, в которых солнышко выступает как одно из эстетических и игровых событий.

Теперь обратим внимание на то, что в процессе становления складываются сразу три новые «вещи»: *новая реальность*, *иконический знак* (если рисунок солнца ребенок рассматривает как изображение обычного солнца) и *схема солнца* (рисунок солнца в игре), причем в этом процессе нельзя сказать, какая вещь появилась раньше других. Все эти «вещи» складываются одновременно, взаимно обуславливая друг друга. Более того, обновляется в определенных аспектах и сознание ребенка. Не на эти ли особенности пытаются указать посредством языка феноменологии новые семиотики? Становление в отличие от ставших процессов – это феномен новообразования. Хотя новое целое возникает не на пустом месте (необходимы предпосылки), но и не как развитие предыдущего целого. При этом все элементы, на основе которых становится новое целое, претерпевают трансформацию и обуславливают друг друга.

Есть место в процессе становления и аффектам, которые так акцентируют новые семиотики. По сути, под аффектами в данном случае можно понимать реакции и переживание индивида, открывающего для себя новую реальность, иконы и схемы. И это, действительно, как отмечала Володина, не просто эмоции. Если принимать сформулированные здесь представления, то аффекты представляют собой целостный ответ человека на становление нового.

Вернемся теперь к вопросу о семиотическом статусе иконических знаков, символов, схем, произведений искусств. Они, как мы поняли, включают в себя две разные составляющие – реальности и сигнификацию, означение (то есть создание и употребление знаков). На первый взгляд, кажется, что понятие «реальность» нельзя подвести под семиотический подход. Действительно, с одной стороны, реальность – это не означение, не коммуникация, а, например, решение проблемы или эстетический процесс. Но с другой – ведь реальность не может актуализоваться и функционировать без сигнификации. Разрешение этого противоречия я вижу в расширительном истолковании семиотического подхода. Дело в том, что фактически сложились две традиции задания и понимания знака

(классическая и новых семиотиков). Не отвечает ли первая точка зрения, сводящая семиотический подход только к коммуникации и различению знака и денотата, позиции, отрицающей семиотическую природу иконы, символа, схемы, произведения искусства? Действительно, если знак – это структура «знак–денотат» – и его контекст – только коммуникация, то события реальности и сама реальность никак не могут быть представлены семиотически. Но если знак понимается расширительно, включая индивидов, которые его создают или используют, и их способности, например, возможность представить (вообразить) то, что не существует непосредственно, актуально, но задано знаком, а контексты знака разные (не столько коммуникация, сколько решение проблем, эстетический процесс и др.), то в этом случае вполне можно принять, что реальность – это особый вид семиозиса. В этом случае мы можем уверенно отнести иконические знаки, символы, схемы, произведения искусств к семиотическим образованиям, но отличным по типу, например, от отдельных знаков (скажем, транспортных) или слов языка, которые используются, прежде всего, в целях коммуникации.

Предложенное решение заставляет автора пересмотреть прежние свои утверждения по поводу схем и символов. В своих работах я утверждал, что схемология и симвоология – это не разделы семиотики, а новые дисциплины. Но если понимать семиотику расширительно, как я здесь предлагаю, то схемология и симвоология войдут в семиотику, правда, на особых правах. Это будут семиотические дисциплины нового типа, для которых характерны междисциплинарность и трансдисциплинарность.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Августин, 2001 – *Августин А.* Антология средневековой мысли. Т. 1. СПб.: РХГИ, 2001. С. 66–67.

Володина, 2020, web – *Володина А.* Материя ощущения: знак-организм, знак-движение, знак-аффект (Доклад в ИФРАН 2020). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=r5d45tqut1w> (дата обращения: 14.05.2020)

Канке, 1997 – *Канке В. А.* Семиотическая философия: Учеб. пособие по курсу «Философия». Обнинск: ИАТЭ, 1997. 95 с.

Неретина, 1995 – *Неретина С. С.* Верующий разум. К истории средневековой философии. Архангельск: Изд-во Поморского педуниверситета, 1995. 320 с.

Неретина, 1999 – *Неретина С. С.* Тропы и концепты. М.: ИФ РАН, 1999. 277 с.

Попов, 2002 – *Попов С. В.* Методология организации общественных изменений // Этюды по социальной инженерии: от утопии к организации / под ред. В.М. Розина. М.: URSS, 2002. С. 45–63.

Розин, 2001 – *Розин В. М.* Семиотические исследования. М.: ПЕР СЭ; СПб. Университетская книга, 2001. 256 с.

Розин, 2011 – *Розин В. М.* Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании. М.: URSS, 2011. 256 с.

Тейлор, 1939 – *Тейлор Э.* Первобытная культура. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. 568 с.

Эко, 1998 – *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М.: Петрополис, 1998. 432 с.

Deleuze, 1964 – *Deleuze G.* Marcel Proust et les signes. Paris: Presses Universitaires de France, 1964. 91 p.

Hoffmeyer, 1996 – *Hoffmeyer J.* Signs of Meaning in the Universe. Bloomington: Indiana University Press, 1996. 165 p.

Peirce, 1998 – *Peirce C. S.* Nomenclature and Divisions of Triadic Relations, as Far as They Are Determined // Peirce Edition Project (Ed). The Essential Peirce: Selected philosophical writings. Vol. 2. Bloomington: Indiana University Press, 1998. P. 289–299.

Simondon, 2013 – *Simondon G.* L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: Editions Jérôme Millon, 2013. 563 p.

References

Augustine, A. *Antologiya srednevekovoi mysli* [Anthology of Medieval Thought], vol. 1. Saint Petersburg: RKHGI Publ., 2001, pp. 66–67 (In Russian)

Deleuze, G. *Marcel Proust et les signes* [Proust and Signs]. Paris: Presses Universitaires de France, 1964. (In French)

Eko U. *Otsutstvuyushchaia struktura. Vvedenie v semiologiyu* [The Missing Structure. Introduction to Semiology]. Moscow: Petropolis Publ., 1998. (In Russian)

Hoffmeyer, J. *Signs of Meaning in the Universe*. Bloomington: Indiana University Press, 1996.

Kanke, V.A. *Semioticheskaya filosofiya* [Semiotic Philosophy]: Manual on Philosophy. Obninsk: IATE Publ., 1997. (In Russian)

Neretina, S.S. *Tropy i kontsepty* [Tropes and Concepts]. Moscow: IF RAS Publ., 1999. (In Russian)

Neretina, S.S. *Veruyushchij razum. K istorii srednevekovoy filosofii* [Believing Mind. To the History of Medieval Philosophy]. Arkhangelsk: Publishing House of Pomeranian Pedagogical University, 1995. (In Russian)

Peirce, C.S. “Nomenclature and divisions of triadic relations, as far as they are determined.” In: Peirce Edition Project (ed). *The Essential Peirce: Selected philosophical writings*, vol. 2. Bloomington: Indiana University Press, 1998, pp. 289–299.

Popov, S.V. “Metodologiya organizatsii obshchestvennykh izmenenii” [Methodology for organizing social change]. In: V.M. Rozin (ed.). *Etiudy po sotsialnoi inzhenerii: ot utopii k organizatsii* [Studies in Social

Engineering: from Utopia to Organization]. Moscow: URSS Publ., 2002, pp. 45–63. (In Russian)

Rozin, V.M. *Semioticheskie issledovaniia* [Semiotic Studies]. Moscow: PER SE Publ.; St. Petersburg: University Book, Moscow: URSS Publ., 2001. (In Russian)

Rozin, V.M. *Vvedenie v skhemologiiu: skhemy v filosofii, kulture, nauke, proektirovanii* [Introduction to Schematics: Schemas in Philosophy, Culture, Science, and Design]. Moscow: URSS Publ., 2011. (In Russian)

Simondon, G. *L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information* [Individuation in the Light of the Notions of Form and Information]. Grenoble: Editions Jérôme Millon, 2013. (In French)

Tylor, E. *Pervobytnaia kultura* [Primitive Culture]. Moscow: Sotsekgiz Publ., 1939. (In Russian)

Volodina, A. *Materiia oshchushcheniia: znak-organizm, znak-dvizhenie, znak-affekt* [Matter of sensation: sign-organism, sign-movement, sign-affect], *Report to IFRAN 2020*. Available at <https://www.youtube.com/watch?v=r5d45tqt1w> (accessed on May 14, 2020) (In Russian)

Поступила в редакцию 02.06.2020